

Райнер Грундманн
Нико Штер

ВЛАСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Райнер Грундманн

Власть научного знания

«Алетейя»

2015

УДК 001.3
ББК 60.55

Грундманн Р.

Власть научного знания / Р. Грундманн — «Алетейя», 2015

В центре внимания социологов Нико Штера и Райнера Грундманна – вопрос о том, при каких условиях научное знание влияет на практическую политику и как именно организовано это влияние. В поисках ответа авторы книги анализируют три кейса – экономическую теорию и политику Кейнса, науку о расах и ее роль в трагедии холокоста, а также исследования в области климатологии, их восприятие в обществе и их последствия.

УДК 001.3
ББК 60.55

© Грундманн Р., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

Предисловие	5
Глава первая	10
Господствующая точка зрения	10
Знание и власть	14
Политологические подходы: линейная модель и ее критика	15
Научные данные и консенсус	18
Власть идей	20
Политика знания	23
Вывод	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Нико Штер и Райнер Грундманн

Власть научного знания

Предисловие

Интерес к вопросу об условиях и степени фактического влияния научного знания на общество уходит своими корнями в эпоху формирования научных дисциплин в Новое время. Очевидно, что этот вопрос волновал ученых не только в прошлом, но волнует и сейчас – уже хотя бы по причине необходимости легитимации науки. Утвердительный ответ на вопрос о практической пользе научного знания помог не только первым ученым в период становления научных дисциплин, но и позволил современным исследователям завоевывать общественное признание и, что немаловажно, получить доступ к ресурсам, необходимым для все более дорогостоящих научных изысканий в современном мире. Поэтому до сегодняшнего дня во внутренних уставах многих научных институтов можно встретить двойное обоснование их существования: с одной стороны, речь идет о научном прогрессе, с другой – о благополучии общества. В этой связи отрицание практической значимости научного познания неизменно наносит болезненный удар по науке, снижая далеко не только символическую ценность труда ученых.

Как правило, ответ на вопрос о причинах власти научного знания сводился к краткому указанию на успехи науки и техники в преобразовании условий нашей жизни. Благодаря научным открытиям мы дольше сохраняем свое здоровье и жизнь. Научный прогресс в медицине – ярчайший пример, доказывающий неоспоримую пользу и силу научного познания¹.

В своем исследовании условий власти научного знания мы не хотим довольствоваться простым тавтологическим ответом, согласно которому вопрос о причинах практического успеха научных изысканий можно считать решенным в силу практического успеха науки и техники.

Так, например, по мнению британского химика, лауреата Нобелевской премии Гарольда Крото, существует множество теорий, но только некоторые из них верны. Верные теории – это факты, и подтверждением им служит применение на практике:

Существует бесчисленное множество теорий, но все их однозначно можно разделить на две категории: это «истинные» научные теории, которые считаются «фактами», поскольку их функциональность была доказана экспериментально, и мы знаем, почему это доказательство удалось, и ненаучные теории, не выдержавшие аналогичных экспериментальных испытаний (Крото, дата изречения не указана [далее в тексте при отсутствии дополнительных указаний перевод с английского осуществлен Р. Г. и Н. Ш.]).

В качестве примеров истинных и функционирующих теорий Крото приводит теорию гравитации Ньютона, теорию электромагнетизма Максвелла, теорию относительности Эйнштейна, периодическую таблицу Менделеева, теорию квантовой механики и, наконец, теорию эволюции Дарвина². Это высказывание отражает мнение не только сообщества ученых-есте-

---

¹ Заревитц и Нельсон (Sarewitz & Nelson, 2008) сравнивают успехи программ по вакцинации и педагогических программ. Они приходят к выводу, что в случае вакцинаций очевиден успех, в основе которого лежит некое функционирующее техническое зерно, тогда как в вопросах воспитания такого зерна нет.

² Что касается успешного применения всех этих теорий, то здесь Крото приводит следующие примеры: высадка на Луну (Ньютон); электричество, радио и телевидение (Максвелл); расщепление атома и управляемые спутники (Эйнштейн); силиконовые чипы и синтез лекарств (Менделеев); лазер и DVD (квантовая механика); борьба с опасными для жизни заболеваниями (Дарвин).

ствоиспытателей, но и в целом господствующее понимание науки, истины и фактической власти.

Мы, разумеется, не собираемся оспаривать практические успехи научного знания, однако этот ответ в лучшем случае дает ретроспективное объяснение проблемы, соотнося теории с новейшими техническими достижениями. Но дело в том, что Ньютон не стремился совершить полет на Луну, а Дарвин не давал никаких указаний на то, как можно бороться с различными заболеваниями. В том же ключе можно было бы сказать, что Маркс является идейным творцом Советского Союза, а Ницше ответственен за Холокост. Такие поверхностные, анахроничные и функционалистские объяснения встречаются очень часто, однако от постоянного повторения они не становятся более убедительными. В своей книге мы постараемся гораздо подробнее и точнее проследить взаимосвязи между развитием научного знания и его практическим влиянием, прежде всего, в сфере политической власти.

Когда исследователи ссылаются на некие события в прошлом, в результате которых знания действительно привели либо к предсказуемым, либо к неожиданным изменениям условий жизни, они ничего не говорят о том, как эти условия будут развиваться в будущем, если только не предполагается, что будущие условия в точности повторяют условия прошлые. Указание на практический успех в лучшем случае дает ответ на наш вопрос лишь *ex post facto*, но не может служить прогнозу или выявлению «приемов», важных для производства практических знаний.

Научные знания могут стать практическими и, следовательно, обрести влияние и власть двумя способами: через применение в технической или общественной сфере. В первом случае мы имеем дело с естественными и инженерными науками и их техническими артефактами, во втором случае – с социальным и культурологическим знанием и их соотносительностью с политическими мерами. В первом случае власть научного знания проявляется в применении машин, приборов или медикаментов, во втором случае – в социальных действиях и прежде всего в эффективном политическом вмешательстве в экономику и общество посредством принятия новых законов, постановлений и стратегий. В нашей книге мы сосредоточимся исключительно на второй категории применения научных знаний.

Процесс формирования и институционализации наук сопровождался неослабевающим интересом к техническим, социальным, политическим и экономическим последствиям научного познания. Интерес к вопросу о его влиянии и общественной полезности намного превосходит противоположный интерес к вопросу о влиянии общества на научные знания. Однако по мере утверждения интереса к проблематике укорененности научного знания в обществе стало ясно, что на вопрос о воздействии знания либо уже найдены ответы, либо эти вопросы не представляют непосредственного интереса для научного исследования. Разумеется, дискуссия о социальных последствиях научных изысканий не прекратилась полностью. Однако теперь главным стал вопрос о причинах нехватки (а не избытка) научных знаний.

В одной из новейших версий данного тезиса, казалось бы, неизменное соотношение влияния базиса и надстройки на системные трансформации в обществе (мы используем это знаменитое марксистское различие метафорически) было изменено на прямо противоположное. Все чаще можно услышать, что именно надстройка, к которой, несомненно, относится и общественное знание, является двигателем истории. Впрочем, остается ли за ней последнее слово, пока еще неясно.

Хотя мнения о том, как именно выглядят взаимосвязи между познанием, социальным действием и обществом, существенно расходятся, многие наблюдатели все же единодушны в том, что знания, производимые общепризнанными научными дисциплинами, имеют (или могут иметь) достаточно сильное воздействие на общественную практику. Если знание становится решающим фактором в производстве общественного богатства, неизбежно встает вопрос о том, куда направить эту производственную силу и как ее оптимально использовать. В обще-

стве знания развитие производственных сил означает понимание того, каким образом знание можно применить на практике.

Упрощая и заостряя проблему, можно сказать, что в литературе встречается два подхода к анализу отношений между научными знаниями и властью. С одной стороны, утверждается, что знания вливаются в общество в виде результатов фундаментальных исследований, открытий прикладной науки и технических и прочих практических применений. Эта линейная модель использует метафору потока: обществу важно устранить барьеры и препятствия для того, чтобы знания могли свободно распространяться. В рамках другого подхода утверждается, что спрос на знание порождает те, кто его применяют, т. е. знание как бы производится по заказу и дает практическое решение насущных проблем. Этот подход представлен в различных вариантах, например, в виде тезиса о науке как об источнике легитимации политики (Habermas, 1971) или заказных исследованиях (*mandated science*, Salter et al., 1988). В первом подходе в центре внимания оказываются те, кто создает предложение, т. е. производители знания, во втором – те, кто создает спрос и использует произведенное знание. В обоих случаях единица анализа определена не совсем точно. Как будто бы и неважно, о чем именно идет речь – об отдельных ученых, о научных дисциплинах, о науке как социальном институте или о совокупности ученых-одиночек. В этой связи мы предлагаем ограничить анализ деятельностью акторов, производящих и внедряющих практическое научное знание. Что именно собой представляет практическое знание, и есть основной вопрос нашего исследования.

В отдельных кейс-стади, посвященных экономическому дискурсу, расологии и климатологии, а также особенностям практического контекста, в котором раскрываются эти научные дисциплины, мы попытались выделить и проанализировать те характеристики научного знания, что обеспечивают общественное влияние этой форме познания. Таким образом, в центре нашего внимания находятся те атрибуты научных знаний, в отношении которых можно сказать, что они влияют на власть научного познания в обществе. В этой связи нас не очень интересуют особенности политических процессов и анализ политических решений. Мы исследуем ситуацию с точки зрения науки и именно с этих позиций анализируем проблемы практического применения знания.

В прошлом ключ к решению этих проблем, как правило, искали и находили в теории науки. Мы, однако, считаем ответы теоретиков науки малополезными. Впрочем, анализ научного знания и власти затруднен не только их выводами. Целый ряд подходов искажает наш взгляд на связь между идеями и их практическим применением, в первую очередь, в области политики. Основная проблема заключается в том, что само понятие научного знания и, соответственно, связь между этим знанием, действиями и властью изучены недостаточно. Поэтому необходима точная спецификация и дифференциация этих понятий, а также проработка различных контекстов их применения. Это не означает, что наши изыскания начнутся и закончатся на уровне понятий. Основную часть нашей работы составляют три упомянутых выше кейс-стади и их сравнение. На конкретных примерах мы покажем, как в ходе исторического процесса утверждается взаимосвязь научного знания и власти, т. е. власть научного знания.

В трех проанализированных нами кейсах речь идет о политически значимых научных знаниях, которые были произведены в рамках как уже устоявшихся, так и новых научных дисциплин. Эти кейсы отражают ситуацию в трех областях: в естественных и социальных науках, а также в науках о культуре. Все три кейса относятся к разным историческим периодам и географическим областям. Рассмотренные нами акторы из сферы научной деятельности ориентируются, скорее, на вопросы, актуальные в их национальном контексте, при этом надеясь на резонанс в других странах. В случае климатологии, изначально ориентированной на глобальные проблемы, политическое применение научных выводов также всегда нацелено на межнациональных акторов.

«Операциональные» или «практические» познавательные цели научных акторов, как правило, формируются в тесной взаимосвязи с определенными социальными, экономическими или политическими контекстами. Ученые надеются на положительный резонанс в обществе. Не приходится сомневаться в том, что исследуемые нами научные поля населены акторами (а среди них нередко встречаются и очень известные ученые), стремящимися к славе за пределами научного сообщества. Зачастую их мотивирует вера в то, что их научные достижения поддерживают некие сильные течения в политическом противостоянии, а их внедрение может улучшить мир.

Мы не претендуем на то, что наш выбор случаев для кейс-стади отвечает требованиям классического эксперимента, в котором с определенной степенью надежности выделяются те переменные, что имеют решающее значение для практического успеха научного знания. Для этих целей наша выборка слишком мала. Тем не менее, логика сравнительного кейс-стади (Moore, 1966; Przeworski, 1970; Skocpol, 1979) позволяет нам выявить те характеристики, которые в целом позволяют знанию обрести власть.

Три выбранных нами случая соответствуют трем различным измерениям во взаимоотношениях научного знания и власти. На уровне акторов в лице Джона Мейнарда Кейнса мы видим отдельного индивида, которому, как никому другому, удалось изменить экономическую политику ведущих западных демократических государств. Хотя в период деятельности Кейнса в качестве правительственного консультанта его предложения не были приняты и воплощены в жизнь, не вызывает сомнений тот факт, что именно тогда он заложил основы новой экономической политики. Заслуживает внимания и то, что в своих рецептах в области кризисного менеджмента Кейнс использовал небольшое количество переменных. У него не было теории, которая бы отражала экономическую реальности во всей ее полноте – хотя для многих именно это является условием того, что теория в принципе может иметь практическое значение.

Применительно к проблеме изменения климата мы имеем дело с огромным числом исследователей и экспертов, организованных в межнациональные «сообщества знания» (epistemic communities) и пытающихся оказывать прямое влияние на политику. Однако, несмотря на многочисленность этого сообщества и достигнутый в нем консенсус, в климатической политике оно до сих пор не добилося каких-либо практических успехов.

В отношении расологии мы хотим обратить внимание читателей на то, как широко ученые используют культурные и политические ресурсы для обоснования своих претензий на такое знание, которое неизбежно вызывает политический резонанс. Так же, как и в области климатической политики, ученые-эксперты здесь очень близки к политическим акторам. В отличие от климатической политики, расовая политика национал-социалистического режима в Германии привела к практическому внедрению выводов расовой науки, что в конечном итоге нашло свое завершение в Холокосте. В связи с этим встает вопрос о том, насколько «нейтрально» научное знание, всегда ли его приумножение означает увеличение общественной полезности и представляет ли оно моральную ценность само по себе.

Мы очень благодарны Джею Вайнштейну за то, что он великодушно позволил нам включить в качестве одного из кейс-стади по проблеме соотношения власти и научного познания исследование, соавтором которого он является и которое посвящено теме тесной научно-политической взаимосвязи между расовой наукой и Холокостом. Мы расширили рамки этого исследования в соответствии с целями своих изысканий. Совместная статья Джея Вайнштейна и Нико Штера «Власть знания: расовая наука, расовая политика и Холокост» впервые была опубликована в журнале «Social Epistemology» (1999).

Значение кейнсианского дискурса и его социологического контекста сначала было проанализировано в книге Нико Штера «Практическое познание» (1991). Предложенную в ней аргументацию мы расширили новыми подтверждениями огромного значения Кейнса, чьи работы, вне всякого сомнения, входят в ряд самых выдающихся исследований в области соци-

альных наук. Их беспрецедентное значение объясняется не только их влиянием на экономическую политику послевоенного периода, но и тем ренессансом, который они пережили во время недавнего финансового кризиса.

Мы хотим выразить благодарность Барбаре Штер за стилистическое и техническое редактирование нашей рукописи. Мы также благодарим Корнелию Валльнер за ее критические замечания к тексту и форматирование библиографии. Нине Хиллекум мы признательны за дополнения к библиографии.

Глава первая

Власть идей

Хотя пути к человеческому могуществу и знанию ближайшим образом сплетены один с другим и едва ли не одни и те же, однако вследствие пагубной застарелой привычки обращения к абстрактному гораздо безопаснее начинать и строить науки от тех оснований, которые связаны с действительной частью, чтобы она сама обозначила и определила созерцательную часть.

Фрэнсис Бэкон ([1620] 1972: 84)

То, что наука играет определенную роль в жизни общества в качестве производительной силы и средства производства, отнюдь не оправдывает прагматическую теорию познания.

Макс Хоркхаймер (Horkheimer, 1932:1)

Господствующая точка зрения

Различие, на которое в 1932 году в первом выпуске «Журнала социальных исследований» обратил внимание Маркс Хоркхаймер и на которое за несколько столетий до него указал Фрэнсис Бэкон в «Новом органоне», подчеркивает четкую грань между полезностью и истинностью результатов научного познания. Если быть более точным, Хоркхаймер настаивает на различии, которое признается многими другими учеными и отсылает нас к одному из атрибутов традиционной теории науки. Речь здесь идет о причинах практической эффективности результатов научного познания как, пожалуй, одного из важнейших его свойств. 1932-й год был, безусловно, крайне значимым в политическом плане, и непримиримая позиция Хоркхаймера относительно того, что общественные интересы никоим образом не могут влиять на решение вопроса об истинности, явилось реакцией на эскалацию конфликта вокруг роли наук в обществе. Наука и производимые ею знания не должны прислуживать власти; определенная автономия науки не должна ставиться под сомнение. Однако, как подчеркивает сам Хоркхаймер (Horkheimer, 1932: 2), отстаиваемая им автономия наук не предполагает разделения теории и практики.

Хоркхаймер говорит как бы о двух кодах познания – о первичном и о вторичном. Первичный код познания представляет истину, вторичный или производный – пользу. В отличие от кода истины, код пользы связан с производством нового знания в лучшем случае опосредованно. По этой причине такая позиция предполагает, что нет ничего практичнее хорошей теории. Истина и польза оказываются отделенными друг от друга, при том что истина контролирует пользу. Поскольку только истинная теория функционирует на практике, для общества полезнее предоставить науки автономию.

Но каковы отношения между теорией и практикой, между знанием и властью? Господствующая точка зрения заключается в том, что между знаниями и властью существуют инструментальные отношения³. Это означает, что, во-первых, структура и культура социальных групп

---

³ Мы осознаем, что эта терминология нуждается в объяснении. В теории науки до Поппера под «инструменталистской позицией» понималась точка зрения епископа и философа Джорджа Беркли, согласно которой научные теории могут функционировать на практике, т. е. могут быть инструментальными, однако это совершенно не обязательно делает их истинными. На заре эпохи модерна многие считали кощунством употребление понятия истины за пределами церковной схоластики. Однако именно эти точка зрения утвердилась среди практикующих ученых, которые предпочли решение философских про-

как производителей знания не оказывают влияния на производство знания или на обоснование притязаний этого знания на истинность. Только «логика науки» и природы, мира объектов, движет вперед производство знания. Во-вторых, знание в общем и целом не связано с контекстом его применения. Вот почему часто можно услышать, что знание нейтрально по отношению к ценностям и не подвержено влиянию временной, пространственной или социальной среды. Подобная позиция часто встречается в виде тезиса об объективности или рациональности знания: корпус научного знания является в равной мере истинным всегда и везде.

Модель инструментального знания трактует научные теории и исследования как своего рода интеллектуальный инструмент, используемый в практических ситуациях. В той мере, в какой научное знание истинно, оно также надежно и полезно. Само по себе теоретическое знание еще не гарантирует успешной реализации желаемого социального действия. Оно также не гарантирует, что используемые при этом средства будут соответствовать этическим требованиям. Однако когда теоретическое знание находит практическое применение, перед нами открывается перспектива уменьшения технической нагрузки. Нам уже не нужно самим беспокоиться о производстве необходимого знания. Нам вполне достаточно знать условия, при которых применяется это знание. В этом случае желаемый эффект достигается как бы сам собой, благодаря истинности лежащего в его основе теоретического знания.

Насколько важен аспект практической значимости знания и для социальных наук, в 1954 году показал Льюис С. Фойер в своем эссе «Каузальность в социальных науках». Фойер показал, что лояльность ученых по отношению к определенным социально-научным теориям поддерживается их верой в некие метатеоретические представления. Эти представления он называет «интервенционистскими» (interventionist) и «детерминистскими» (necessitarian). Приверженцы детерминистской модели убеждены, что некую заранее предсказанную ситуацию невозможно предотвратить. Сторонники интервенционистской модели убеждены, что путем сознательного вмешательства можно изменить данную ситуацию или предотвратить ситуацию предсказанную. Это похоже на описанное Хоркхаймером различие между полезностью и истинностью. Фойер (Feuer, 1954: 683) подчеркивает, что социологические теории принимаются учеными не потому, что обладают эмпирической очевидностью, а потому, что открывают перед исследователем новые горизонты действий.

В этой книге мы исследуем вопрос о том, когда, как и почему знание может приобрести власть. Многие считают эти вопросы тривиальными и не заслуживающими рассмотрения, поскольку ответ на них якобы лежит на поверхности. И широкая общественность, и целый ряд ученых воспринимают понятия «знание» и «истина» как синонимичные. Однако то, что мы сегодня называем истиной, существенно менялось на протяжении столетий. Изменились и условия, при которых знание сближалось с властью. Как доказывают исследования по истории науки (Daston & Galison, 2007; Shapin, 1994), то, что считается объективным и истинным, подвержено исторической трансформации. Норберт Элиас (Elias, 1971) писал о том, что притязания знания на истинность и процедура производства и валидации знания с течением времени были все меньше ориентированы на субъект и все больше – на объект.

Смещение понятий знания, истины и власти, которое мы наблюдаем в современном обществе, связано с нормами, доминирующими в самой современной науке. Согласно этим нормам, притязания знания на истинность наиболее оправданны тогда, когда эти знания не привязаны к определенной исторической эпохе или к определенному контексту. Освобождение от контекстов многими воспринимается как знак качества, свидетельствующий о высоком содержании истины в том или ином знании. Ситуация изменилась по сравнению, скажем, с

блем предоставить философам. Поппер (Popper, 1956), как известно, не принимал эту точку зрения, утверждая, что наука в ней уподобляется «ремеслу водопроводчика». Согласно Попперу, наука ни при каких условиях не должна отказываться от понятия истины. В связи с этим понятие «инструментализм» мы используем в значении связи между теорией и (успешным) применением, как она выражена, в частности, в цитате Крото.

XVII-м веком, когда джентльмены доверительно сообщали друг другу, что те или иные выводы или результаты были достигнуты благодаря правильно осуществленной процедуре (эксперименту), и для их подтверждения или проверки (virtual witnesses) в любой момент можно привлечь общественность. Гражданам современного общества не оставалось ничего иного, как делегировать процесс перехода знания во власть научному сообществу и надеяться на то, что реализуемые в нем процедуры можно считать надежными.

Мы ни в коем случае не сомневаемся в том, что знание может обладать властью. Мы не сомневаемся и в том, что источник многих притязаний со стороны знания лежит в научном сообществе. Мы согласны с большинством наблюдателей в том, что мы живем в обществе знания и обладание знанием является неотъемлемым условием завоевания и сохранения авторитета, социального неравенства и личной идентичности.

Тем не менее, для нас также очевидно, что знание зачастую остается совершенно неэффективным. Это наблюдение поражает и даже, возможно, не всеми признается, однако оно показывает нам, что разные знания совершенно по-разному воспринимаются обществом, несмотря на то, что они прошли те же процедуры производства и валидации. Другими словами, как практически успешное, так и практически безуспешное знание удостоверяется в качестве такового внутри науки и свободно от каких бы то ни было субъективных коннотаций. В этой связи очевидно, насколько ошибочно восприятие науки в качестве ничем не ограниченной силы.

Поэтому необходимо внимательно изучить, по каким причинам знания в одних случаях становится эффективным, а в других не оказывает никакого воздействия, хотя и в тех, и других случаях его аутентичность гарантирована. Ответ, который сегодня можно услышать чаще всего и который реже всего подвергается сомнению, заключается в отождествлении знания и силы. Этот удобный ответ трактует знание как нечто необходимое, что черпает свою силу из истории возникновения (внутри науки!). Правда, в таком случае уже невозможно различить разные формы знания, с одной стороны, и объяснить причины успешного или безуспешного применения знания, с другой стороны. В первом случае, очевидно, исходят из того, что традиционное знание слишком слабое для того, чтобы выдержать конкуренцию со стороны научного знания. Во втором случае в качестве причины приводится различное содержание истины в знаниях. Соответственно, некоторые знания неэффективны потому, что неверна их теоретическая основа. Мы сознательно заостряем эти аргументы для того, чтобы предельно исчерпать их доказательный потенциал. Мы осознаем, что существуют подходы, критикующие традиционные представления о знании и силе. Однако зачастую эта критика имплицитна и высказывается, например, в исследованиях применения научных знаний, где речь идет о причинах того, почему «хорошая» теория оказалась неэффективной на практике, или же в ходе исследования организации, когда выясняется, что технические устройства функционируют несмотря на отсутствие теорий, способных дать этому исчерпывающее объяснение (Perrow, 1984). Однако во всех этих подходах отсутствует систематический анализ характеристик знания и власти.

В отличие от традиционных моделей эффективности и власти научного знания, мы хотим обратить внимание на то, что источник эффективности знания не следует искать в процедурах производства знания или в определенных нормах научного сообщества, при помощи которых оно пытается внести ясность в спорные вопросы. Гораздо более решающее значение имеет то, что знание, приобретающее практическую значимость, должно содержать варианты действия, которыми определенным образом манипулируют для того, чтобы привести реальность в соответствие с релевантным знанием. Это, с одной стороны, означает, что очень многие знания вообще не достигают той стадии, когда они могут напрямую преобразовывать действительность (и поэтому, в конечном итоге, они не в состоянии это сделать). С другой стороны, это означает, что для того, чтобы стать эффективной, теория вовсе не должна содержать в себе все аспекты или переменные той реальности, на которую она ссылается. Положение о том, что

только комплексная теория может изменить комплексную реальность, должно быть отброшено как неверное.

Знание и власть

В сравнительной и исторической перспективе возникает вопрос, какое влияние достижения науки оказывают на политику и можем ли мы действительно говорить о силе знания как о его власти. На этот вопрос мы попытаемся ответить при помощи теоретических размышлений и эмпирических кейс-стади. Два выбранных нами случая относятся к началу, а один – к концу XX-го века. Уже в XIX веке расология была политически значимой теорией. Во время второй мировой войны она превратилась в политический инструмент, который был использован для оправдания Холокоста. Кейнсианство стало политически значимой исследовательской областью в 1920-е годы. Тогда Джон Мейнард Кейнс выступил с предложениями относительно новой экономической политики, чтобы вывести из кризиса британскую экономику. Сначала его предложения не встретили никакого отклика, однако после второй мировой войны они стали главной экономической доктриной. Сегодня кейнсианская политика реализуется во всех развитых капиталистических странах. Один из президентов Соединенных Штатов даже как-то сказал: «Все мы теперь кейнсианцы».

В конце XX-го века человечество обеспокоилось проблемой глобального потепления атмосферы. Изначально эту проблему подняли климатологи. В 1970-е годы небольшая группа ученых забила тревогу в связи с предстоящей глобальной экологической катастрофой – разрушением озонового слоя. После принятия в значительной мере успешных международных законодательных мер по защите озонового слоя была предпринята попытка создания параллельных институциональных структур, что, однако, не привело к желаемому результату. Сложилась двойственная ситуация: часто можно слышать о политических успехах в сфере защиты озонового слоя, но в то же время климатическая политика находится в плачевном состоянии. В нашей книге мы анализируем в первую очередь институциональные условия, созданные для того, чтобы обеспечить эффективную трансформацию результатов научного исследования в политические действия через посредничество Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК). Здесь, как и в случае расологии и кейнсианства, можно исходить из того, что научная основа везде остается одинаковой, однако политика разных стран оказывается различной.

В контексте этих трех случаев мы вводим сравнительное измерение именно для того, чтобы выявить степень вариации этой политики. В случае кейнсианства и его влияния на развитие современной экономики мы, среди прочего, рассматриваем роль понятия «комплексности» применительно к социальным феноменам и то, насколько комплексность социального мира должна отражаться в социальных науках, что нередко считается принципиальным условием их практической эффективности. Мы анализируем причины различной привлекательности кейнсианской политики в зависимости от исторического периода и страны. В случае климатических исследований мы рассматриваем роль единой международной системы научной отчетности, в связи с чем встает вопрос о том, почему климатическая политика отличается от страны к стране. Как и в случае климатологии и климатической политики, расологию мы рассматриваем в контексте культурных и политических течений эпохи. В отличие от климатологии, сегодня приумножение знаний о человеческих расах далеко не у всех заслуживает одобрения (эту же проблему можно наблюдать и на других примерах). Национальные различия и в случае расологии подводят нас к вопросу о том, почему только в Германии эти знания привели к трагедии Холокоста.

Политологические подходы: линейная модель и ее критика

Уже упомянутую инструментальную модель использовали в своих исследованиях прежде всего американские политологи. В своей знаменитой работе «Власть и общество» (1950) Гарольд Лассуэлл и Абрахам Каплан разработали линейно-рациональную модель политики⁴. Эта модель политики опирается на традицию Просвещения и рассматривает научное знание с точки зрения помощи в решении общественных проблем. Если наука производит истинное, функционирующее знание, то оно может быть использовано в политическом процессе, где его применение ведет к «правильным» политическим решениям и эффективно в разрешении споров по политическим вопросам. Это представление разделяли многие авторы как до, так и после выхода в свет книги Лассуэлла и Каплана. Многие надеются на то, что конфликтующие группы и противоборствующие идеологические позиции можно убедить в правильности решения, основанного на знании, ибо наука в состоянии преодолеть идеологические (и метафизические) расхождения⁵.

Внутри этого течения, вероятно, имеет смысл выделить два направления – рационалистическое и прагматическое. Для рационалистического подхода цель заключается в принятии политического решения на основании наилучшего из доступного знания. Линдблом называет такой подход «синоптическим». Прагматический подход имеет своей целью договорные компромиссы, функционирующие на практике. Линдблом противопоставляет рациональный подход (основанный на большом объеме информации и требующий систематического сравнения доступных альтернатив действия) более скромному подходу, в рамках которого акторы, принимающие политические решения, учитывают лишь отдельные политические альтернативы (большинство из которых известно им из прошлых споров и конфликтов), основанные на «предыдущем опыте постепенных мер для того, чтобы иметь возможность спрогнозировать воздействие аналогичных мер в будущем» (Lindblom, 1959: 79). Опираясь на тезис Джеймса Марча и Герберта Саймона (March & Simon, 1958) об ограниченной рациональности, Линдблом утверждает, что применение синоптического подхода невозможно ввиду высокой сложности проблем, поскольку актор никогда не располагает необходимым количеством времени, денег и информации. Он предлагает носителям решения вовсе отказаться от синоптической модели и ограничиться несколькими политическими альтернативами. У него вызывает удивление тот факт, что «в литературе по проблемам нахождения решений [...] и общественного управления развивается именно первый, а не второй подход» (Lindblom, 1959: 80). Другими словами, практики знают, что они не доросли до требований рационалистической модели. Ученые же, со своей стороны, об этом стараются забыть и в теории работают именно с такой моделью.

В одной из своих более поздних статей Линдблом возвращается к этой теме и отстаивает второй подход, который он теперь называет «фрагментированным инкрементализмом» (disjointed incrementalism). Он утверждает, что мы никогда не будем иметь «полную картину» или синоптическое представление обо всех значимых составляющих (ценностях, данных, факторах, причинах и т. д.), предшествующих принятию решения. Вместо этого мы должны исходить из неполного анализа, но делать это осознанно. Нет смысла стремиться к

---

⁴ Эта модель включает в себя также технологические применения результатов научного исследования. Годин (Godin, 2006) утверждает, что «линейная модель» представляет собой стилизованный артефакт, сложившийся в результате различных институциональных практик отчетности перед правительством США и статистических определений ОЭСР. Впрочем, то, что является общепринятой практикой, нельзя объяснить влиянием отдельных исторических личностей, например, президента Буша (1945).

⁵ Основатель Венского кружка Отто Нойрат выразил это в емкой формуле: «Метафизика разделяет; наука объединяет» (цит. по: Cartwright et al., 1996: 179).

идеалу синоптического анализа, ибо это ведет к менее удачным результатам по сравнению с решениями, принятыми теми, кто осознает ограниченность исходных данных и, так сказать, пробивается к цели с открытыми глазами. Линдблом приводит пример общественных зданий: «Традиционная синоптическая попытка выбрать место для создания нового публичного пространства и обосновать этот выбор посредством анализа всей территории города, всех возможных потребностей и сценариев развития, превращается в лучшем случае в поверхностную, формалистскую процедуру, а в худшем – в обман» (Lindblom, 1979: 519).

Другой аспект критики в адрес рациональной модели заключается в том, что политика и наука занимают противоборствующие позиции, прежде всего по причине эпистемологических и коммуникативных границ. Авторы «*модели двух сообществ*» (two-communities-model) и в том числе Каплан (Caplan, 1979) также сомневаются в реалистичности линейной рациональной проблемы, полагая, что отношения между наукой и политикой в принципе сложные. Эти две сферы формируются под воздействием разных логик и разных культур⁶. В то время как ученые стремятся к истине, политики заняты проблемой власти. Луман в своей теории функциональной дифференциации (2007) рассматривает этот аспект на более общем уровне, говоря о проблематичности коммуникации между социальными системами. Коммуникация между политикой и наукой проблематична и, следовательно, «крайне маловероятна».

Когда идеи институционализируются в политике и тем самым становятся реальностью, сама собой возникает мысль о том, что произошло то, что должно было произойти. Другими словами, связь между знанием и политикой представляется неproblemатичной, более того, неизбежной. Задача историка и критически настроенного социолога – разоблачить эту кажущуюся неизбежность. Мишель Фуко ввел понятие дискурса для того, чтобы описывать реальность идей и практик определенной исторической эпохи. Он использует понятие археологии для того, чтобы обратить внимание читателя на те усилия, которые необходимы для анализа и деконструкции этих дискурсов. Разумеется, исследователи в области социальных наук осознают, что социальные роли ученых и тех, кто принимает политические решения, отличаются друг от друга и что акторы из этих двух сфер, по сути, живут в разных эпистемических вселенных. Маловероятно, что эти роли пересекутся. «Маловероятно» не значит «невозможно», однако возможность такого пересечения должна быть тщательно изучена.

Те, кто активно действует в обеих сферах, говорят о том, что почти невозможно выйти из той роли, которую ты воплощаешь в данный момент – несмотря на все твои знания и сочувствие к «другим» ролям. Рассмотрим один пример из повседневной жизни: автомобилист хочет доехать до своей цели и при этом представляет угрозу для переходящего улицу пешехода. Через несколько минут тот же самый пешеход может действовать таким же образом, если он сядет в машину и поедет по улице. Автомобилист, который только что вел себя довольно бесцеремонно на дороге, тоже может оказаться в роли пешехода: вот он припарковал свою машину и идет в магазин на другой стороне улицы. Теперь он будет ругаться на безответственных автомобилистов, пытающихся его «переехать». Всем нам знакомы подобные примеры из повседневной жизни: они показывают нам, как сложно, более того, иногда невозможно быстро перенести опыт из одной роли в другую и исправить свое поведение. Скептики могли бы на это ответить, что только несчастные случаи (которых, возможно, в последний момент удалось избежать) могут спровоцировать тот шок, который необходим для пересмотра рутинных практик.

---

⁶ Впоследствии модель двух сообществ была заменена политико-сетевыми подходами (Heclo, 1978; March & Rhodos, 1992) и концепцией дискурс-коалиций (Hajer, 1995; Gottweis, 1998). В этих подходах на первый план выходит тесный обмен информацией между акторами из различных подсистем (представителями экономики, науки, управления и общественности). Все они участвуют в публичном дискурсе, а иногда также в менее публичных сетях с тем, чтобы повлиять на политические решения, и при этом противостоят другим группам акторов, отстаивающим другие интересы, ценности и политические цели.

Хернс (Hernes, 2008: 258) делится своим личным опытом постоянного перехода из мира (социальной) науки в мир политики и обратно. Он отмечает, что политики и представители социальных наук относятся друг к другу с благожелательным равнодушием, что «политики хотя и финансируют исследования, не сильно заинтересованы в их результатах; исследователи же описывают мир, не надеясь на его изменение». Хернс разрабатывает типологию ролей в обоих мирах⁷. Он полагает, что первый шаг в работе ученого всегда заключается в наблюдении некой ситуации, нуждающейся в объяснении, тогда как политик начинает свою деятельность с определения политического вопроса, нуждающегося в рассмотрении (и решении). Поэтому «цель ученых [...] – объяснить действительность, а цель политиков – воплотить нечто в реальность» (Hernes, 2008: 262). Политику нужен рычаг для действия, необходимого для изменения реальности. Кроме того, опытный политик должен уметь предвидеть побочные последствия и непреднамеренные результаты. Свои наблюдения Хернс завершает замечанием о том, что задача ученых – «придумать и валидизировать объяснения», тогда как задача политиков – «придумать и реализовать меры» (Hernes, 2008: 263). Было бы интересно продолжить его аргументацию и выяснить, что происходит, когда ученые (или другие не-политики) влияют на политические решения и разбираются в политических процессах. Многие, причем не только марксисты, попытались это сделать вслед за Марксом («Философы лишь различным образом объясняют мир, но дело заключается в том, чтобы его переделать»). Представители почти всех научных дисциплин, начиная с антропологии и заканчивая зоологией, пытались повлиять на политические решения путем открытого или скрытого лоббирования. То же самое можно сказать и о неправительственных организациях, которые иногда очень тесно сотрудничают с учеными, а иногда сами занимаются распространением научного знания.

Мы видим возможность пересечения ролей ученого и политика в пересмотре роли ученого, которого Хернс воспринимал исключительно как когнитивное существо. Предположим, ученый знает, что политики хотят, чтобы их воспринимали как активную сторону. Если результаты его научных исследований способны стать «рычагом к действию» и если ему удастся представить комплексное явление как явление, поддающееся управлению, то вероятность того, что его исследования будут восприняты политиками как значимые, резко возрастет. Поэтому нам кажется, что чем больше ученые разбираются в политических процессах, тем больше у них шансов «протащить» результаты исследований в политическую практику, тем самым повысив их эффективность.

---

⁷ Не вдаваясь в детали и границы его типологии, скажем лишь, что он несколько наивно принимает попперовское представление о том, что ученые отклоняют теоретическую модель в том случае, если ей не соответствуют эмпирические данные (Hernes, 2008: 262),

Научные данные и консенсус

Знания редко преподносятся в простой и недвусмысленной форме. Разумеется, те, кто принимает политические решения, предпочитают ясную и простую информацию, и иногда производители знания исполняют их желания. Но даже в том случае, когда знания с самого начала излагаются в виде простого набора фактов, прогнозов и рекомендаций, часто выясняется, что на более глубоком уровне все гораздо сложнее. Это легко можно увидеть, если проанализировать различные политические меры, основанные на схожих или одинаковых научных данных и оценках. Мы рассматриваем подобные случаи в наших трех кейс-стади. Применительно к расологии очевидно, что между разными нациями в отношении к этой области знания существовали большие различия, несмотря на общую научную основу. В конце концов, Холокост был осуществлен только одним национальным правительством. В случае кейнсианства мы также наблюдаем различные варианты реализации одной и той же доктрины. Можно сказать, что даже в отношении самого понятия «кейнсианство» нет единого мнения. Между тем теория всегда была связана с политическими рекомендациями, которые изначально были сформулированы одним настойчивым ученым. Наконец, изменение климата показывает, что даже транснациональная организация взаимодействия между наукой и политикой не в состоянии предотвратить фундаментальных отличий в климатической политике разных стран.

Гормли (Gormley, 2007) пишет о том, что экономисты (в отличие от представителей других социальных наук) имеют особенно сильное влияние на формирование общественной политики. В своем комментарии к государственной политике дерегуляции в США в 1980-е годы он показывает, что большая часть мер по дерегуляции была инициирована известными экономистами из элитных университетов и затем принята в широких политических кругах. Экологическая политика – наиболее показательный пример перехода от структур государственного контроля к анализу затрат и полезности и инструментам рыночного регулирования. В 1990 году в США с целью снижения выбросов двуокиси серы был принят акт «О чистом воздухе», согласно которому право на выбросы можно приобрести за деньги. Вскоре это стало главным политическим инструментом в международных переговорах об изменении климата. До этого рыночно-ориентированные подходы воспринимались крайне недоверчиво, прежде всего европейскими правительствами (Damro & Luaces-Mendez, 2003; Gilbertson & Reyes, 2009). Гормли приводит и другие примеры успешного применения рекомендаций со стороны ученых, в том числе и политологов. Впрочем, он отмечает, что многие рекомендации были проигнорированы. Этому факту он дает свое объяснение. По его мнению, для успеха или неуспеха научного знания в политике важен консенсус экспертов. Сторонники политики, вооруженной «хорошими», однозначными результатами эмпирических исследований, обладают большими преимуществами в подобных спорах. Это «позволяет представителям групп, объединенных общими интересами, разрабатывать как инструментальные, так и нормативные аргументы, в то время как их оппоненты вынуждены ограничиваться лишь нормативными аргументами» (Gormley, 2007: 310).

Неудачные попытки внедрения отдельных научных идей Гормли объясняет недостатком эмпирических данных, что, в свою очередь, приводит к отсутствию консенсуса среди экспертов, или, если использовать формулировку самого Гормли, к тому, «что любая работа одного из этих экспертов подвергается нападкам со стороны эксперта из враждебного лагеря». В этих условиях эксперты поставляют «патроны» обоим сторонам конфликта, не влияя на позицию его участников (Gormley, 2007: 310).

К аналогичным выводам приходят многие исследователи. Как мы увидим в четвертой главе, МГЭИК действовала в том же направлении. Однако независимо от того, насколько прочным был консенсус среди экспертов, МГЭИК так и не удалось примирить ключевые мировые державы в вопросах климатической политики. Изменение климата – это, возможно, самый

яркий пример того, как эксперты на протяжении многих лет обеспечивали аргументами обе стороны конфликта, несмотря на наличие консенсуса в научной среде⁸. Дан Заревиц (Sarewitz, 2004) называет эту ситуацию «избытком объективности», а Роджер Пильке мл. (Pielke jr., 2007) противопоставляет идеально-типическую логику «борьбы с абортами» «политике борьбы с торнадо». Тем самым он хочет показать, что политика в сфере климата имеет гораздо больше общего с политикой в отношении аборт (где наука, мораль и политика тесно связаны друг с другом), чем с политикой в отношении торнадо (где речь идет о сухих фактах и оценке рисков).

Наши кейс-стади свидетельствуют о том, что вопрос о компетенции политиков – играют ли они роль «дилетантов», как пишет Макс Вебер⁹, или же они фактически контролируют принимаемые решения – это вопрос эмпирический. Нас интересует, как развивалась расология, а именно можно ли говорить о том, что из престижных научных институтов ее влияние перекинулось на политических лидеров, и лишь затем – на другие научные учреждения? И можно ли проследить аналогичный тип развития применительно к проблеме изменения климата и кейнсианства?

---

⁸ Сам Гормли указывает на границы консенсуса среди ученых в связи с проблемой контроля вооружений. В этом случае важны группы, объединенные общим интересом, поскольку «они хорошо организованы, обеспечены финансово и готовы стоять до конца» (перевод наш – Р. Г., Н. Ш.).

⁹ Согласно Веберу, бюрократии не просто собирают знания, но и пытаются это знание защитить от нападков «аутсайдеров» и используют его в инструментальных целях. Поскольку политические лидеры все чаще оказываются «дилетантами», контроль за экспертами становится задачей других экспертов. Правитель «контролирует одного специалиста при помощи других» (Weber, [1922] 1972: 574). Кто контролирует бюрократический аппарат управления и господствует над ним? Вебер (Weber, [1922] 1972: 128) считает контроль со стороны неспециалиста возможным лишь до известной степени, так как в целом «профессиональный тайный советник в должности министра, как правило, в долгосрочной перспективе превосходит [...] неспециалиста в осуществлении своей воли».

Власть идей

Рассмотрим проблему отношений между идеями и интересами в процессе поиска политических решений, а также часто встречающееся представление о том, что идеи способны обладать особой властью. Этой проблемой занимались в том числе исследователи в области международных отношений, и различные варианты этого аргумента мы находим в понятии «*фокальных точек*» Томаса Шеллинга (focal points, что значит «очевидная точка конвергенции») или в концепции Джудит Голдштейн, согласно которой «согласие с [экономическими] идеями объясняется их властью» (Goldstein, 1994: 2).

Критики подобной аргументации требовали от ее сторонников объяснения того, каким образом идеи в своем каузальном воздействии на реальность могут быть независимыми от политики и от интересов акторов, их породивших (Jacobsen, 1995: 295). Голдштейн в конечном итоге отказалась от радикального варианта этого тезиса, остановившись на том, что наибольшее значение имеют выдающиеся идеи, поддержанные общественной элитой.

Но существуют и другие возможности воздействия идей на реальность и проявления их власти. В социологии и исследованиях СМИ для обозначения определения проблем и подходов к их решению утвердилось понятие *фрейминга* (framing; Goffman, 1974; Hajer, 1995). Как мы знаем, *фреймы* не только очерчивают определенные фрагменты реальности, которым затем уделяется повышенное внимание, но и предоставляют схемы интерпретации, которые используются в процессе поиска, восприятия, обозначения и оценки (Entman, 1993). При помощи фреймов акторы определяют проблемы, устанавливают причины, находят решения и дают нравственные оценки. Фреймы имеют ключевое значение для определения причин, а также содержат в себе моральные суждения. Они предоставляют и обосновывают предлагаемые решения, а также дают прогнозы относительно предполагаемых последствий. В этом смысле можно сказать, что идеи сами по себе обладают властью. Это означает, что если бы та или иная политическая тема была определена каким-то другим образом, то мы наблюдали бы иную последовательность событий, что (по всей вероятности) привело бы к другому результату. В другом варианте подобной аргументации в сфере политологии утверждается, что способ определения проблемы решающим образом влияет на ее решение (Schattschneider, 1960).

Однако в первую очередь *фреймы* должны быть сконструированы и внедрены в политический процесс. На этом этапе политические акторы, журналисты, политические и научные элиты могут играть решающую роль. Они должны придерживаться схожих позиций для того, чтобы *фреймы* были ориентированы на конкретные политические проекты и партии. Как пишет Хернс (Hernes, 2008: 263), «ты можешь выбрать противников, но не союзников, но некоторых нежелательных союзников ты можешь отпугнуть альтернативами, на которых ты остановишь свой выбор».

Петер Хаас предложил свою модель объяснения координации действий в международной политике. Эта модель, основанная на понятии «эпистемические сообщества», привлекла внимание научной общественности. Хаас утверждает, что знаниям тяжело найти отклик у власти: «Даже когда ученые думают, что они разрабатывают свои истины для власти, власть, как правило, не проявляет к этим истинам никакого интереса» (Haas, 2004: 570). Когда же власть прислушивается к истине? Такое случается редко, уверяет Хаас (впрочем, не настолько редко, чтобы можно было полностью исключить такую возможность, как это делают многие политологи). Необходимым условием здесь является трансформация результатов научных исследований в «утилитарное знание», в «точную информацию, полезную для политиков и тех, кто принимает решения». Вполне в духе линейной модели Хаас утверждает: «Наука должна производить надежное знание, которое затем через ответственных акторов должно передаваться

политикам». В роли надежных трансмиссии как раз и выступают ученые со схожими убеждениями, т. е. *эпистемические сообщества* (Haas, 2004: 576).

Хаас дает следующее определение эпистемического сообщества: эти сообщества представляют собой «основанные на знании сети специалистов, которых объединяет общая вера в причинно-следственную связь, в проверку знания на достоверность и в основополагающие ценностные принципы, а также общие политические цели. Их позицию лучше всего, пожалуй, сформулировал один из членов такого сообщества, выразивший готовность “признать убедительность причинно-следственных взаимосвязей даже без уверенности в их наличии”» (Haas, 1992b: 187 и далее). В другом месте Хаас пишет: «По причине своей экологической сознательности члены этой группы выступают за принятие упреждающих мер, несмотря на целый ряд неопределенностей» (Haas, 1993: 176).

Хаас исходит из того, что влияние науки на политику тем сильнее, чем больше ее независимость. Сначала научное знание должно вырабатываться за защитным валом, а затем эпистемические сообщества должны передавать его тем, кто принимает решения. Далее, он исходит из того, что «те, кто принимает решения, осознают границы своих возможностей в преодолении новых обстоятельств и видят необходимость делегировать поиск решений авторитетным людям, считающимся экспертами в своей области» (Haas, 2004: 576). Это высказывание вызвало следующий комментарий: «Хааса воодушевило то, что в правительстве работает все больше научных экспертов и что власти в своих решениях все чаще учитывают технические ноу-хау. Но наиболее сильный заряд оптимизма он получил от самих ученых». К этому следовало бы добавить, что статистические данные, как правило, неоднозначны, а ученые разобщены в силу расхождения позиций по спорным общественным вопросам, как показывают примеры из области экологии и энергетики (Jacobsen, 1995: 302 и далее). Якобсен справедливо обращает внимание на то, что любые (а значит, и эпистемические) сообщества не склонны поощрять мнения, отклоняющиеся от магистральной позиции. Поэтому вера Хааса в критический потенциал сообщества экспертов-единомышленников вызывает оправданные сомнения.

При каких условиях эпистемические сообщества могут приобрести влияние в обществе? Адлер и Хаас (Adler & Haas, 1992: 380 и далее) утверждают, что «если у политиков нет заранее сформулированной позиции и рассматриваемый вопрос привлекает их внимание лишь на короткое время, то группы экспертов могут оказывать сильное влияние». Якобсен справедливо возражает: «Получается, что если проблема незначительна, значение экспертов возрастает – весьма привлекательная перспектива». В защиту Хааса и Адлера можно было бы сказать, что эксперты в подобных ситуациях выступают в качестве «составителей повестки дня» (*agenda-setter*). Именно они выносят определенные темы на рассмотрение политиков. Якобсен это признает, отмечая, что тот, кто «убеждает акторов принять некое “определение ситуации”, начинает до известной степени контролировать результаты [...], ибо определение проблемы предопределяет способ ее решения» (Jacobsen, 1995: 292).

Итак, подход Хааса опирается на два основополагающих допущения: во-первых, те, кто принимает политические решения, обращаются к специалистам для того, чтобы снизить уровень неопределенности; во-вторых, те, кто принимает политические решения, действуют на основании консенсуса среди экспертов. Существуют и другие, более эффективные возможности управления в условиях неопределенности, однако Хаас оставляет их без внимания. Во-первых, эпистемические сообщества реагируют на возникающие проблемы через посредничество других акторов, например через НГО (см. Toke, 1999). Во-вторых, необходимость в общей научной основе не так велика, как предполагает Хаас. Мы часто наблюдаем ситуацию раскола среди экспертов. Неопределенность по определению означает, что в научном мире всегда существует, по меньшей мере, две конкурирующие теории (Elster, 1979: 384). Это говорит о том, что для тех, кто принимает решения, проблема только усложняется, но никак не упрощается. В то же время это открывает дорогу другим, некогнитивным механизмам, кото-

рые могут сыграть свою роль в борьбе за правильные политические решения. Первый аспект свидетельствует о том, что Хаас недооценивает потенциал гражданского общества в его инициативных действиях; второй аспект показывает, что он переоценивает когнитивные способности эпистемических сообществ и их влияние на общественную политику (к мнению Хааса относительно МГЭИК мы еще вернемся в заключительной главе).

Политика знания

В этом разделе мы хотим обратить внимание читателя на то, что знание не «влияет» на политику автоматически, само по себе. Для кого-то это означает, что такое влияние невозможно, для кого-то – что оно нежелательно. По мнению Линдблома, «синоптическая позиция», если она воплощается в практических действиях, не только невозможна, но и вредна.

Пильке (Pielke, 2007) и Заревиц (Sarewitz, 1998, 2004) в своих работах убедительно показали, что политики по своему разумению «выхватывают» из научных исследований те результаты, которые соответствуют их политическим задачам, и направляют внимание общественности на ту информацию, которая представляет в выгодном свете их воззрения или политику. Существует слишком много разных объективностей и слишком много разных результатов исследований, которые можно использовать для различных политических альтернатив. Больше количество исследований открывает больше возможностей. Каждый надеется решить проблему неопределенности, увеличив количество научных исследований. Однако эта надежда не оправдывается. Научные результаты в основном используются для легитимации политических опций, существовавших еще до появления новых результатов исследования. Стивен Краснер (Krasner, 1993: 238, 257) увидел в этой позиции восприятие «идей как анкера»: «Идеи не открывают новых альтернатив, не существовавших прежде, они легитимируют политическую практику, которая уже является свершившимся фактом. Идеи – это один из нескольких инструментов, используемых акторами для отстаивания собственных интересов [...]. Лишь после того, как идеи интегрируются в институциональные структуры, они начинают оказывать реальное воздействие на политическое поведение».

Коллингридж и Рив (Collingridge & Reeve, 1986) также указывают на наличие ситуаций, в которых политический консенсус имеет место до проведения научного исследования. Результаты исследования в таком случае лишь легитимируют уже predetermined опции¹⁰. Политические решения принимаются в результате переговоров и поисков компромисса. «Компромисс такого рода не требует практически никакой технической информации». Почему же тогда такое количество экспертов от науки задействованы в качестве консультантов и почему правительства стараются привлечь к процессу принятия решений как можно больше специалистов? Дело в том, что группы с различными интересами пытаются блокировать друг друга при помощи «своего» знания, претендующего на истинность:

В этом смысле научные исследования и анализ играют не героическую роль, обеспечивая политику истинным знанием, а скорее ироническую, не позволяя политике опираться главным образом на технические заключения. Исследование одной гипотезы призвано уравновесить исследование другой гипотезы, с тем чтобы дать возможность реализации политики, равнодушной ко всем научным предположениям (Collingridge & Reeve, 1986: 32)¹¹.

---

¹⁰ Говоря о научно-консалтинговых учреждениях, они предлагают два сценария: (1) сверхкритическая политическая среда, в которой ученый и политики разобщены. В результате споры и технические дебаты не прекращаются никогда. (2) Докритическая политическая среда, в которой результаты исследований используются для оправдания существующих политических опций.

¹¹ Макс Вебер был одним из первых, кто обратил внимание на роль технических экспертов в процессе принятия политических решений. В «Хозяйстве и обществе» он пишет о «легально рациональном авторитете бюрократического аппарата» и о высоком статусе технического знания. Бюрократии не только накапливают знания, но и пытаются защитить это знание от «аутсайдеров» (ср. Weber, [1922] 1972: 990–993) и стремятся избежать публичного обсуждения используемых ими техник, в то время как люди, несущие политическую ответственность, постепенно превращаются в «дилетантов». Управлять экспертами и держать их под контролем могут только другие эксперты (Weber, [1922] 1972: 994). Но кто контролирует административный аппарат? Вебер полагает, что со стороны неспециалистов подобный контроль возможен только до известной степени. В целом профессиональные чиновники умеют лучше отстаивать свою позицию, чем их номинальный

По сути, Коллингридж и Рив (Collingridge & Reeve, 1986: 28) утверждают, что политические решения никогда не принимаются с учетом предположений научного сообщества и что те, кто принимает такие решения, и не должны прислушиваться к научным гипотезам. Это утверждение перекликается с аргументацией Линдблома, Заревица и Пильке. Правильные политические решения должны быть гибкими и допускать возможность пересмотра; кроме того, негативные последствия для здоровья населения и окружающей среды в случае ошибки должны быть минимальными.

Барри Барнс указывает на слабые места подобной аргументации. По мнению Коллингриджа и Рива, политические дебаты не зависят от научных исследований или предшествуют им. Интересы участников в этих дебатах не зависят от знания. Барнс видит в этом допущении грубое искажение действительности: «Цели и интересы формулируются в контексте имеющегося знания» (Barnes, 1987: 561). Такой же точки зрения придерживаются все те, кто исследует отношение между идеальными и материальными аспектами социального действия. Наибольшую известность приобрела теория Макса Вебера, объясняющая значение религиозных идей для научных интересов (Parsons, 1938). Фуко также указывал на роль дискурсивных формаций, включающих в себя материальные интересы и системы идей. Интересы не могут быть определены независимо от идей (Clegg, 1989). В свою очередь, Питер Холл (Hall 1989) подчеркивает, насколько важны идеи при определении собственных интересов. Проникая в политическую сферу, новое знание способно дестабилизировать существующие социальные отношения. Когда эти отношения разрушаются, возникает необходимость в новом определении интересов. Есть и еще одна причина, почему идеи играют столь важную роль: в публичном дискурсе приемлемы не все аргументы. Недостаточно сослаться на собственные корыстные интересы за исключением тех случаев, когда можно доказать, что эти интересы связаны с аспектами честности или справедливости. Если личный интерес поддерживается научными данными, то они также являются легитимным аргументом. По этой причине знание, и прежде всего научное знание, считается важным ресурсом.

Следует подчеркнуть еще один момент: хотя научные изыскания редко или даже никогда не определяют политический курс (как это постулируется в линейной модели), тем не менее, они играют важную роль при расстановке политических приоритетов. В политическом процессе имеет значение то, *о чем* думают люди, а также *каким образом* они думают о тех или иных вопросах. Здесь тоже важна формулировка проблемы в начале дискуссии, ибо она может иметь продолжительное влияние на ее ход.

Возможно, мы сможем лучше понять интересующую нас проблему, если будем различать научные исследования и экспертизу. Зачастую оба эти понятия используются как синоним (мы тоже отчасти следуем общепринятому словоупотреблению). Коллингридж и Рив правы в том, что отдают предпочтение понятию «исследование»: ученые проводят исследование, и его результаты публикуются в специальных журналах. Впрочем, как правило, они хранятся без употребления в тех или иных базах данных. Вероятность того, что они хоть как-то повлияют на политику, равна нулю. Но этот аргумент теряет свою силу, если заменить понятие «исследование» понятием «экспертиза». Эксперты как раз и переводят результаты исследований в те или иные области употребления. Они выступают в качестве маклеров: именно они доводят научные знания до своих клиентов и широкой общественности (Stehr & Grundmann, 2010). В современном обществе сложно себе представить принятие политических (или важных частных) решений без подключения экспертов.

Мы предлагаем понимать под знанием способность и возможность приводить в движение те или иные процессы¹². По отношению к реальности знание является моделью. Так, напри-

начальник – министр, не являющийся специалистом (Weber [1922] 1972: 338).

¹² Мы не утверждаем, что такое определение применимо только к знанию. В социальном контексте когнитивные содержа-

мер, данные социальной статистики – это не только отражение общественной реальности, но и трактовка ее проблем. Они касаются того, что могло бы быть, и в этом смысле дают возможность для осуществления действий.

Результаты исследований и научных изысканий не являются сугубо пассивным знанием. Знание следует рассматривать как первый шаг на пути к практическим мерам. Знание в состоянии изменить реальность. Наш выбор понятий основывается на знаменитом высказывании Фрэнсиса Бэкона «*Scientia est potentia*», что часто, но не совсем верно переводят как «Знание – сила». Бэкон утверждает, что чрезвычайная полезность знания его проистекает от его способности приводить вещи в движение. В понятии *potentia*, что означает «способность», как раз и раскрывается «сила» знания. Знание есть созидание. Человеческое знание – это знание правил действия и, соответственно, возможность вызывать те или иные процессы или создавать те или иные вещи. Таким образом, успехи или результаты человеческих действий могут фиксироваться по тому, как меняется окружающая действительность, и, по крайней мере, в современном мире реальность все в большей мере основывается на знании. Знание не является силой в значении актуальной власти; знание есть потенциальная власть¹³. Следовательно, мы должны различать саму способность принимать те или иные меры и применение этой способности. Рассмотрим это различие подробнее.

Знание только тогда выполняет «активную» функцию, когда принимаемые меры не укладываются в стереотипные параметры (Макс Вебер) или их реализация регулируется принципиально иным образом¹⁴. Активную роль знание играет только тогда, когда по каким бы то ни было причинам присутствует свобода решений или необходимость их принятия¹⁵. Поэтому для Карла Мангейма (Mannheim, 1929: 74) социальное действие имеет место только там, «где еще не началось рационализированное пространство, где нет установленных ситуаций, вынуждающих к принятию определенных решений»¹⁶. Применительно к конкретным случаям это означает:

Бюрократ, расправляющийся с пачкой официальных бумаг согласно данным ему предписаниям, не совершает действия. Не совершает действия и судья, подводящий то или иное дело под соответствующий параграф, и фабричный рабочий, изготавливающий шуруп строго по инструкции, и по сути даже инженер, комбинирующий законы природы ради той или иной цели, не совершает действия.

ния не обладают монополией в отношении способности человека к действию. Схожую функцию могут выполнять социальные нормы, потребности или тенденции (см. Loyal & Barnes, 2001).

¹³ Изначально слово «власть» («die Macht») обозначает способность, а одним из основополагающих определений способности является возможность проведения различия. В этом значении, а не в том, в котором власть обычно рассматривается в контексте социальных отношений, а именно как реализованная власть над чем- или кем-либо, определение власти как способности соотносится с определением знания как осуществления (ср. Dryberg, 1997: 88–89).

¹⁴ На основе допущения о том, что знание есть способность действовать, можно выделить несколько форм знаний в зависимости от того, какие именно способности к действию в них воплощены. Примером подобного функционального различения форм знания может служить предложенное Лиотаром (Lyotard [1979] 1983: 6) различение «знания как инвестиции» и «знания как платежа», по аналогии с финансовыми затратами на инвестиции и непосредственное потребление.

¹⁵ Проведенный Никласом Луманом (Luhmann 1992: 136) анализ условий принятия решений допускает еще более широкое применение знаний: «Принятие решений возможно только тогда и только в той мере, когда и в какой мере отсутствует определенность в отношении дальнейших событий». Учитывая, что будущее в высшей мере неопределенно, знания в процессе принятия решений применяются во многих социальных контекстах, включая и те, которые, как правило, подразумевают исключительно рутину и привычное поведение.

¹⁶ С точки зрения интеракционистов, все организации и социальные структуры представляют собой «договорные порядки» («negotiated orders») (Strauss et al., 1964: 1978). Это, однако, не означает, что всякий аспект социальной реальности той или иной организации постоянно или же с точки зрения определенных ее членов может быть определен по-новому. В действительности это касается лишь определенных и, по всей вероятности, узко ограниченных взаимосвязей, и в отношении этих контингентных условий действия знание может быть мобилизовано в форме планирования коллективных целей.

Все эти формы поведения следует называть репродуктивными, поскольку осуществляются они в рамках рационализированной структуры, в соответствии с предписаниями, без принятия личного решения (Mannheim, 1929: 74)¹⁷.

Таким образом, для Мангейма проблема отношения между теорией и практикой возникает только в определенных ситуациях. Разумеется, ситуации, которые полностью рационализированы и повторяются в одном и том же виде из раза в раз, тоже не исключают некоторых «иррациональных» (т. е. открытых) моментов. Однако важно подчеркнуть, что речь здесь идет об условиях знания, причем знания в значении результата человеческих действий. Знание может привести к тем или иным социальным действиям, но в то же самое время оно само есть результат социальных действий. Среди прочего это говорит о том, что способность к действию отнюдь не тождественна фактическому действию, т. е. знание еще не есть действие¹⁸.

Значение научных открытий для общества заключается в первую очередь в способности использовать знание в качестве возможности действия. Знание обладает способностью изменять реальность. Действие же, как подчеркивает в том числе и Мангейм, – это не что иное, как результат сравнительно устойчивого репертуара отдельных поступков или способов поведения, возникающих при наличии определенных поводов. Это, безусловно, не относится ко всем ситуациям, с которыми мы сталкиваемся в нашей повседневной жизни или в нерутинных контекстах действия. Как подчеркивает Фридрих Тенбрук (Tenbruck, 1986: 95), все люди «время от времени оказываются в новых ситуациях, в которых неприемлемы автоматические, закрытые способы поведения и привычки. В этих случаях имеет значение, какие элементы ситуации заданы, а какие – нет». Но и стабильные элементы социальных отношений, известные как «структурные» атрибуты действия и воздействующие на действие в виде внешней «силы», могут рассматриваться как ряд допустимых опций действия, открытых для определенных групп и лиц.

Поэтому качества, которыми должны обладать результаты исследований – способность повышать спрос на новое знание, влиять на оценку полученных результатов и их реализацию на практике – решающим образом зависят от предполагаемой открытости ситуации. Вероятность реализации знания как способности к социальному действию является важным результатом соответствия (в самом широком смысле этого слова) между характером и содержанием знания и теми элементами ситуации, которые считаются открытыми, т. е. поддаются контролю или манипуляции со стороны тех или иных акторов (см. об этом подробнее Stehr, 1991).

Отсюда следует необходимость различать «знание для практики» и «практическое знание», тем более что прагматическая релевантность знания не дана *a priori*, т. е. знание совершенно необязательно способно воплотиться в действии или стать «естественным» практическим знанием. В этой связи мы снова хотим отослать читателя к концепции Карла Мангейма (Mannheim [1929] 1965: 143), который в своем исследовании «Идеология и утопия» попытался

---

¹⁷ Хайек прославляет децентрализацию, подчеркивает значение локального знания (knowledge in place) для действия и системы ценообразования, которая транслирует информацию и подводит к решению вопроса об условиях координации ситуативных действий. Кроме того, Хайек (Hayek [1945] 1976: 82) обращает внимание на то, что экономические проблемы всегда «возникают только в результате тех или иных изменений. Пока все остается так, как есть, или, по крайней мере, развивается не иначе, чем ожидалось, не возникает новых проблем, требующих решения, а также не встает вопрос о необходимости нового плана действий».

¹⁸ В одном из недавних экономических исследований был предпринята попытка представить знание в количественном выражении и интегрировать его в экономические теории. В некоторых аспектах этого исследования обнаруживается сходство с нашим определением знания как способности действовать: «Я определяю знание как возможное наблюдаемое поведение, как способность человека или группы людей предпринимать действия, результат которых – предсказуемое изменение материальных объектов» (Howitt, [1996] 1998: 99). Даже если не принимать во внимание тяжеловесную формулировку этого определения, ограничение понятия «знание» материальными объектами – это уже шаг назад и возвращение к концепции «черного ящика», оперирующей понятиями «процедура» и «наблюдаемое поведение». В конечном итоге Хауит все же склоняется к отождествлению знания с действием.

сформулировать проблемы и вопросы «науки политики». В этом контексте очевидно, что для успешного «применения» научных познаний в конкретных ситуациях действия необходимо, чтобы возможности действия и понимание акторов того, в какой мере они могут повлиять на ситуацию действия, были связаны между собой. Только в этом случае знание может стать практическим знанием.

Для понимания практического знания и реализации этого знания необходимы, с одной стороны, конкретные результаты исследований и, с другой стороны, возможность контроля над условиями ситуации действия. Способность применять результаты научного познания можно считать способностью изменять ситуативные условия, тогда как само знание есть способность к действию.

Таким образом, в современных обществах существует некая сфера пересечения возможностей влияния на события путем принятия тех или иных мер. Именно в этой сфере занята постоянно увеличивающаяся группа консультантов и экспертов, транслирующих научное знание (Stehr, 1992; Stehr & Grundmann, 2010). Их деятельность необходима для установления связи между комплексным, постоянно меняющимся и растущим багажом научного знания и теми, кто хочет использовать этот багаж в своих действиях. Сами по себе идеи не «переходят» от одного человека к другому, подобно денежным купюрам. Знание привязано к конкретным индивидам и «социальным сетям». Различные интерпретации сначала должны прийти к некому «выводу», и только после этого они могут стать способностью к действию (Витгенштейн) и, в конечном итоге, практическим знанием.

Именно эту функцию – отсечение рефлексии или «снятие» барьеров к непосредственному применению результатов научного познания, в результате чего они могут стать основой для конкретных мер – в современном обществе знания выполняют эксперты. Социальный престиж и влияние экспертов и консультантов особенно велики, если их ноу-хау касаются доступа к результатам научного познания, которые могут быть использованы в процессе принятия решения и тем самым как-то повлиять на ситуацию¹⁹.

---

¹⁹ Примечание относительно терминологии: для описания этих ролей мы используем понятия «эксперт», «консультант» и «политический предприниматель». Эти понятия не являются синонимами, а отсылают к разным аспектам одной и той же роли, охватывая широкий диапазон, начиная от более пассивной роли эксперта и заканчивая более активной ролью «провидца».

Вывод

Проведенный нами анализ существующей литературы показывает, что среди представителей социальных наук нет единого мнения в отношении возможного влияния знания на политику. С одной стороны, можно выделить сторонников рационального понимания политики, согласно которому чем больше и лучше имеющиеся знания, тем лучше результаты политических мер. Такая концепция часто подразумевает также, что консенсус в области знания упрощает политические действия. Свою интерпретацию и критику этой концепции мы провели на примере работ Ласуэлла, Каплана, Гормли и Хааса. Им противостоят представители другой концепции, согласно которой политика в целом не зависит от результатов научного познания, что, впрочем, является не недостатком, а, скорее, преимуществом. В этом ключе свою аргументацию выстраивают Линдблум, Коллингридж и Рив, а также Пильке и Заревитц.

Мы же, напротив, пытаемся показать, что знания действительно могут обладать властью, т. е. могут воздействовать на реальность разными способами. Во-первых, знания могут выступать в форме идей, предоставляющих интерпретации ситуаций (фреймы) и определяющих проблемы, тем самым влияя на их решения. Именно поэтому делегаты, «рупоры», представляющие те или иные интересы, *claim makers* имеют огромное влияние на политический процесс. В этой роли могут выступать эксперты или профессиональные политики. В отличие от исследователей, чья деятельность относится к сугубо научной сфере, эксперты могут иметь влияние на стыке науки и политики. В этой связи очевидно, что мы склоняемся, скорее, ко второй из приведенных выше точек зрения, когда обращаем внимание на то, что использование понятий «фрейм» и «эксперт» вносит изменение в обе концепции.

Другая возможность влияния через знания появляется тогда, когда само знание содержит в себе возможности действия в связи с конкретным проблемным случаем. Как видно из исследований, проведенных Вебером, Мангеймом и Хернсом, значимым для действия знание может стать только тогда, когда в принципе существуют различные варианты действий и можно выявить практические рычаги, с помощью которых можно дать ход тем или иным процессам. При этом остается открытым вопрос о том, насколько велик «когнитивный авторитет» тех, кого мы называем «*claim makers*», и насколько важен этот авторитет. В своих эмпирических исследованиях мы пытаемся найти ответ на этот вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.